

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 99–103

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 99–103

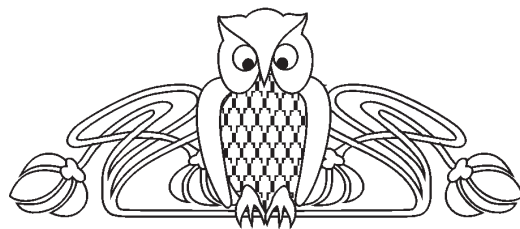
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-99-103>, EDN: RFRBGJ

Научная статья

УДК [821.09-7(574/575)(=58):821.161.1.09-7] 19|

Влияние русской сатиры на дунганскую сатирическую прозу в Центральной Азии

Сы Цзюньцин

Ланьчжоуский университет, Китай, 730000, г. Ланьчжоу, ул. Тяньшуй, № 222

Сы Цзюньцин, доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков и литератур, 1379786308@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9637-0748>

Аннотация. Дунгане являются потомками иммигрантов хуэй из Северо-Западного Китая в конце династии Цин. Их численность выросла до 100 тысяч человек, разместились они на территории Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана. В России их называли «дунгане». После проникновения в Центральную Азию они восприняли местную культуру и культуру метрополии – русскую. Дунганская сатирическая проза также находилась под сильным влиянием русской традиции и вобрала в себя определенные темы, художественные приемы (поэтика) русской сатирической прозы. Влияние темы русской сатирической прозы на тему дунганской сатирической прозы отражается в двух аспектах: политической сатире и социальной сатире. В первой преобладала критика авторитарной системы и бюрократии, во второй – обличение социальных и нравственных пороков. Политическая сатира играет важную роль в выражении огромного социального конфликта и может использовать ее для борьбы с социальным злом. Социальная сатира раскрывает социальные пороки. По сравнению с политической сатирической прозой, социальная сатира уделяет больше внимания размышлениям о человеческой природе и культуре. Что касается художественных приемов дунганской сатирической прозы под влиянием русской сатирической прозы, то можно выделить три основных приема: саморазоблачение героя, контраст и «некультурная» речь героя. Расцвет дунганской сатирической прозы связан не только с влиянием русской литературной традиции, но и с национальным культурным самосознанием дунганских писателей. Влияние традиционной культуры отражается в трех аспектах: традиция русской сатирической прозы способствует развитию дунганской сатирической прозы; «оттепель» в СССР в 1950-е гг. создала почву для дунганской сатирической прозы; внутренней мотивацией процветания дунганской сатирической прозы является культурное сознание дунганских писателей.

Ключевые слова: дунганская проза, русская проза, сатира, влияние

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Проекта исследований гуманитарных и социальных наук Министерства просвещения Китая «Исследование литературы Центральной Азии в контексте инициативы “Один пояс и один путь”» (19YJ752018), Проекта Ланьчжоуского университета 2022 года «Преподавательская команда “История русской литературы”» и Проекта Ланьчжоуского университета 2023 года «Общеобразовательный курс “Отношения современной русской литературы и западноевропейских литератур”» (KCS202328).

Для цитирования: Сы Цзюньцин. Влияние русской сатиры на дунганскую сатирическую прозу в Центральной Азии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 99–103. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-99-103>, EDN: RFRBGJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The influence of Russian satire on Dungan satirical prose in Central Asia

Si Junqin

Lanzhou University, 222 Tianshui St., Lanzhou 730000, China

Si Junqin, 1379786308@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9637-0748>

Abstract. The Dungans are descendants of Hui immigrants from northwestern China during the late Qing Dynasty. Their number has grown to 100,000 people, they are located on the territory of Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Uzbekistan. In Russia they were called “Dungans”. After penetrating Central Asia, they adopted the local culture and the culture of the home country – Russia. Dungan satirical prose was also strongly influenced by the Russian tradition and absorbed certain themes and artistic techniques (poetics) of Russian satirical prose. The influence of the theme of Russian satirical prose on the theme of Dungan satirical prose is reflected in two aspects: political satire and social satire. The first was dominated by the criticism of the authoritarian system and bureaucracy, the second by denunciation of social and moral vices. The political satire plays an important role in the expression of a huge social conflict and can use it to combat social evil. Social satire reveals social vices. Compared

to political satirical prose, social satire pays more attention to thoughts about human nature and culture. As for the artistic techniques of Dungan satirical prose under the influence of Russian satirical prose, three main techniques can be distinguished: self-exposure of the hero, contrast and "uncultured" speech of the hero. The flourishing of Dungan satirical prose is associated not only with the influence of the Russian literary tradition, but also with the national cultural identity of Dungan writers. The influence of traditional culture is reflected in three aspects: the tradition of Russian satirical prose contributes to the development of Dungan satirical prose; the Thaw in the USSR in the 1950s created the ground for Dungan satirical prose; the internal motivation for the thriving of Dungan satirical prose is the cultural consciousness of the Dungan writers.

Keywords: Dungan prose, Russian prose, satire, influence

Acknowledgements: This work was supported by the Humanities and Social Sciences Research Project of the Ministry of Education of China "Research on Central Asian Literature in the Context of the Belt and Road Initiative" (19YJA752018), the 2022 Lanzhou University Project Teaching Team "History of Russian Literature" and the Project of Lanzhou University 2023 General education course "Relationships of modern Russian literature and Western European literatures" (KCJS202328).

For citation: Si Junqin. The influence of Russian satire on Dungan satirical prose in Central Asia. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 99–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-99-103>, EDN: RFRBGJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Дунгане Центральной Азии являются потомками иммигрантов хуэй из Северо-Западного Китая в конце династии Цин. В настоящее время на территории современного Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и других стран проживают около 100 000 человек. С момента проникновения в Центральную Азию дунгане приняли местную культуру, которая находилась под сильным русским влиянием. Дунганская литература занимает важное место в дунганской культуре, включая устную и письменную традиции. Если дунганская устная словесность – наследие китайской культуры в Центральной Азии, то дунганская литература – результат культурного влияния страны, которая стала для переселенцев новым домом. Исследователь дунганской литературы Ян Фэн отмечал: «Дунганская письменная литература находилась под непосредственным влиянием русской литературы с многовековой историей, а также под влиянием литературы различных этнических групп Центральной Азии» [1, с. 234]. Поэтому «русская литература – один из важных факторов, определяющих специфику дунганской литературы» [2, с. 126].

Дунганская сатирическая проза также находилась под сильным влиянием русской традиции. По мнению Клода Леви-Стросса, «автор литературного произведения не только выбирает слова из языковой системы, он также выбирает сюжет, жанр, образность, стиль повествования, формулы и т. д. из существующих литературных текстов и литературных традиций» [3, с. 23]. Дунганская сатирическая проза может служить тому подтверждением.

Сходство тематики

Что касается объектов сатирического осмеяния, то сатира разоблачает, главным образом, социальные и нравственные пороки с целью

исправления людей и общества. Нортроп Фрай определяет сатиру как «сильную иронию, моральные принципы которой относительно ясны и которая предполагает, что эти стандарты могут быть использованы для измерения того, что является странным и абсурдным» [4, с. 277]. Таким образом, сатирик использует моральные принципы для оценки моделируемых объектов и создает образы, наделяя их чертами абсурда.

Русская сатирическая литература имеет длительную историю начиная с Кантемира в XVIII в., Крылова, Грибоедова, Гоголя и Салтыков-Щедрин в XIX в. В литературе XX в. достаточно назвать имена Маяковского, Булгакова, Зощенко. Они либо обличали социальные недостатки, либо высмеивали человеческие слабости. В 1950-е гг. в период «оттепели» в русской литературе сложилось «Овечкинское направление», что усилило позиции сатиры в СССР.

Русская сатирическая литература повлияла на развитие дунганской литературы, в которой можно выделить два направления: политическое и социальное. В первом преобладала критика авторитарной системы и бюрократии, во втором – обличение социальных и нравственных пороков.

1. *Критика авторитарной системы и бюрократии.* В дунганской литературе немало произведений, высмеивающих бюрократию. Типичные ее представители – председатель колхоза Ван Ингуй в сатирическом рассказе Махмуда Хасанова «Председатель, который никогда не пробовал острого», председатель колхоза в повести Арли Арбуду «Первый агроном» и др.

Председатель колхоза у Махмуда Хасанова хотел видеть на должности агронома своего приятеля. Пришедшего ему на смену председателя он принял за своего приятеля и, не церемонясь, устроил скандал. Пока он выдумывал причины для смены агронома, вошел секретарь

райкома и представил приехавшего на смену Ван Ингуя председателя колхоза. Понимая, что его козни раскрыты и он смещен с должности, герой теряет сознание.

Этот рассказ, как представляется, написан с опорой на цикл очерков Валентина Овечкина «Районные будни». Во-первых, в контексте «оттепели» оба произведения выходят за рамки догматизма и реалистично описывают социальные отношения; во-вторых, тексты Овечкина и Хасанова показывают жизнь послевоенной деревни, где в условиях коллективизации не удалось решить проблемы бюрократии; в-третьих, в обоих произведениях есть образы бюрократов.

2. *Обличение социальных и нравственных пороков.* Критика человеческих слабостей и предрассудков обнажает испорченность их души и неблагополучие общественной атмосферы. По сравнению с произведениями, обличающими представителей власти, социально-нравственная сатира более интересна в художественном плане. Например, в рассказе Эрли Чжана «Две невестки» показаны деградация и отчуждение людей, соблазняемых идеей богатства. Арли Арбуду в рассказе «Времена года» делает объектами критики лень и другие человеческие слабости.

В рассказе «Две невестки» старшая невестка старика Нази целый день проводит в раздумьях о том, кому достанется дом после смерти свекра. В повести Юрия Трифонова «Обмен» мы тоже встречаем невестку, которая, узнав, что свекровь умирает, подсказывает мужу выгодный вариант обмена. Они съезжаются с матерью мужа исключительно для того, чтобы улучшить свои жилищные условия. «Обмен» и «Две невестки» схожи сюжетно и тематически. Дунгане считают, что лень – это самый большой порок и источник различных бедствий [5, с. 3]. В рассказе Арли Арбуду «Времена года» Тай Шива «заболевает», когда нужны рабочие руки на ферме. Осенью после сбора урожая он «поправляется», а с приходом зимы «выздоровливает» окончательно. Рассказ Арли Арбуду и роман Веры Пановой «Времена года» не только имеют общее заглавие, но и посвящены общей теме.

Во многих рассказах Арли Арбуду обличает нравственные пороки. Перечислим некоторые из его произведений: «Черный камень», «Смерть Морсу», «Сварливая женщина», «Телевидение», «Неузнанная». В них изображаются разные стороны характера. Сравнивая эти тексты с сатирическими рассказами Чехова (например,

«Толстый и тонкий») или Зощенко («Собачий нюх»), мы отмечаем влияние русской прозы на дунганскую сатирическую прозу.

Влияние на уровне художественных приемов

Лу Синь заметил, что сатира – это «автор, который лаконичным или просто утрированным пером – но оно, конечно, должно быть художественным – пишет о группе людей или об одной стороне истины. Группа людей, о которых пишется, называет это произведение иронией» [6, с. 340]. Это означает, что автор должен использовать метафоры, метонимии, гиперболы, гротеск, абсурд и другие приемы, чтобы передать странность мира, населенного странными людьми. К этим приемам часто обращается сатира.

Сатирические рассказы дунганских писателей опираются в основном на традиции русского критического реализма с его эпической объективностью, нейтральностью тона, аналитизмом. Субъективное начало в повествовании не выражено напрямую, а вводится через систему чужих «голосов», идейно-композиционных планов, позволяющих скрывать прямо-оценочную точку зрения автора. Здесь можно выделить три основных приема:

1) саморазоблачение героя. В рассказе «Председатель, который никогда не пробовал острого» Махмуд Хасанов выдвигает на передний план главного героя Ван Ингуя, раскрывая его через наивные «саморазоблачения». На наш взгляд, писатель опирается здесь на опыт Гоголя в комедии «Ревизор». Сходство двух произведений состоит в том, что оба автора используют прием речевой самохарактеристики персонажа. Реализуя себя в слове, герой продолжает оставаться объектом изображения для автора и читателя. Отсюда комизм и саморазоблачительная сила его «изображенной» речи;

2) контраст. В русской сатирической прозе часто используется прием контраста. В «Хамелеоне», например, контраст между состояниями Очумелова (холодно / жарко) – показатель бинарности его иерархического сознания: человек может быть либо ниже, либо выше него по положению. В «Человеке в футляре» – контраст между меланхолией Беликова и витальностью Вареньки. В рассказе «Две судьбы» Хасанов противопоставил невзгоды жизни Самбо жадности и жестокости знахаря. В рассказе «Неузнанная» Арбуду пишет: «Когда автобус подъезжает к живописному району, люди в автобусе смотрят

на осеннюю красоту за окном, но главный герой не обращает внимания на красоту природы, а смотрит вверх и вниз на красивую фигуру женщины» [7, с. 68]. В контрастном описании обнажено некрасивое лицо развратника;

3) «некультурная» речь героя. В русской сатирической прозе часто используется речевая традиция сказа. Наиболее характерный пример его применения – сатирические рассказы М. Зощенко, например «Стакан», «Собачий нюх» и др. Дунганские писатели-сатирики также умеют гармонично сочетать ироничный язык с психологией персонажей. Например, в рассказе «“Цивилизованная” девушка» Айши Мансуровой два молодых человека встречаются в автобусе красивую девушку. Они соревнуются, кто первым уступит ей место, называя ее «цивилизованной» девушкой. Девушка садится, но теперь ее просят уступить место старушке. Недовольная девушка возражает: «Отчего ты сам не уступишь место? Вместо того, чтобы учить других, поучай лучше своих детей» [8, с. 69–70]. Психология и культурный уровень «цивилизованной» девушки почти на всем протяжении текста передается на ее нецивилизованном языке, как в рассказах Михаила Зощенко.

Итак, мы видим, что дунганская сатирическая проза на уровне художественных приемов испытала на себе влияние русской сатирической прозы. Дунганские сатирические произведения – это в основном короткие рассказы с простым сюжетом, который складывается из «мелочей жизни», как во многих произведениях Чехова или Зощенко.

Влияние традиционной культуры

Развитие и зрелость того или иного типа литературы тесно связаны с социальной действительностью конкретной эпохи.

Традиция русской сатирической прозы способствует развитию дунганской сатирической прозы. Русская традиция сатирической литературы тесно связана с русским критическим реализмом. Критический реализм стремится обличать уродливые стороны жизни, бичевать язвы и пороки общества. Неудивительно, что традиции русского реализма – важный ориентир для дунганских писателей.

Согласно принципам рецептивной эстетики, восприятие текста неотделимо от культурного окружения и литературной среды. Арли Арбуду и Махмуд Хасанов жили в Советском Союзе, получали советское образование, находились под

влиянием русской культуры, что отразилось в их творчестве [9, с. 112]. Эстетические принципы русского критического реализма перенимают дунганские писатели. В период развития дунганской литературы они перевели большое количество произведений русских писателей-реалистов. Арли Арбуду в свое время перевел на дунганский язык произведения Льва Толстого, Чехова, Куприна и других, что оказало огромное влияние на развитие дунганской литературы. По его словам, переводческая работа представляет собой «огромную литературную школу» [10, с. 77]. Культура русского народа сыграла огромную роль в дальнейшем развитии дунганской профессиональной литературы. Через развитую русскую литературу дунгане понимали не только русскую, но и мировую культуру, что способствовало преодолению замкнутости национальной культуры и помогло дунганской литературе встать на путь реалистического искусства [11, с. 33–34].

«Оттепель» в СССР в 1950-е гг. создала почву для дунганской сатирической прозы. После смерти Сталина в 1953 г. был проведен Второй Всесоюзный съезд писателей, который потребовал от авторов более глубоко и правдиво отражать жизнь, раскрывать существующие в жизни противоречия и конфликты, выступать против формализма и обеления действительности, негативных тенденций. На XX съезде Коммунистической партии Советского Союза в 1956 г. Хрущев поставил вопрос о культе личности Сталина, что также вызвало широкие и интенсивные дискуссии в литературных и художественных кругах. В этот период в области литературной критики было высказано предположение, что функция литературы – помочь людям «полнее понять внутренний мир людей», что литература должна повествовать о «живых людях» и тривиальных вопросах повседневной жизни. Позже литературная дискуссия постепенно переросла от теории к творчеству, и появилась повесть Эренбурга «Оттепель», вызвавшая сильный социальный резонанс. До и после «Оттепели» было большое количество ярких сатирических произведений, которые изобличали догматизм, теорию бесконфликтности, правдиво воссоздавали жизнь.

Расцвет «оттепели» в СССР и творческие успехи писателей создали условия для развития дунганской сатирической прозы. Дунганские писатели Хасанов, Арбуду в 1950-е гг. создали ряд произведений, обличающих бюрократизм и социальные недостатки. Идеологические

концепции дунганских писателей аналогичны концепциям русской советской литературы. Это, с одной стороны, показывает, что писатели находились под влиянием советских литературных течений, а с другой стороны – что дунганская литература и советская русская литература имеют целый ряд типологических сходств.

Внутренней мотивацией процветания дунганской сатирической прозы является культурное сознание дунганских писателей. Сатира – литературная форма, осуществляющая социальную критику, культурную критику, моральную критику и критику человеческой природы. Ее основная функция – критика и рефлексия. Для писателя с чувством социальной ответственности и совести, а также для нации, стремящейся к прогрессу, сознание критики и размышлений является незаменимым культурным духом и идеологией, а также неотъемлемым требованием для жизненного прогресса и культурного развития. Находясь в мультикультурном контексте, дунганские писатели придерживаются своих национальных традиций, а в их произведениях также больше внимания уделяется собственной национальной культуре. Поэтому в дунганской сатирической прозе немало критических произведений национальной культуры. Лао Шэ изложил свою творческую мотивацию в предисловии к книге «Дракон и Змея Земли»: «Выживание культуры должно опираться на ее самокритику, постоянное исправление и обогащение» [12, с. 139]. Эту фразу можно рассматривать и как творческие идеи дунганского этического сатирика.

Заключение

Итак, под влиянием русской литературной традиции дунганская сатирическая проза достигла определенного художественного уровня с точки зрения полноты и глубины воссоздания действительности и использования сатирических приемов. Однако в силу позднего появления дунганской литературы и ее изоляции от китайской культуры она развивалась медленно. Обращение к русской культуре открыло новые возможности для развития дунганской литературы.

Список литературы

1. 杨峰, 东干文化与东干作家文学漫议 – 苏联东干族小说散文选译后记[J].西北民族研究, 1997, (2): 226–237页 (Ян Фэн. Краткий обзор дунганской культуры и дунганской литературы – Постскриптум к переводу избранных прозаических рассказов дунганского этноса в Советском Союзе // Северо-западные этнические исследования. 1997. № 2. С. 226–237).
2. 常文昌, 亚斯尔·十娃子的创作个性与文化资源[J].中央民族大学学报, 2009, (2): 126–131页 (Чан Вэньчан. Творческая личность и культурные ресурсы Ясыр Шиваза // Вестник центрального университета национальностей. 2009. № 2. С. 126–131).
3. 列维-斯特劳, 野性的思维[M].李幼蒸, 译.北京:商务印书馆, 1987 (Леву-Стросс К. Дикий разум / пер. Ли Ючжэн. Пекин: Коммерческая пресса, 1987. 368 с.).
4. 诺思罗普·弗莱, 批评的剖析[M].陈慧, 等, 译.天津: 百花文艺出版社, 1998 (Фрай Н. Анатомия критик / пер. Чэнь Хуэй [и др.]. Тяньцзинь: Изд-во литературы и искусства Байхуа, 1998. 475 с.).
5. 伊мазов М. Х. Арли Арбуду (штрихи к портрету писателя). Бишкек: Бишкек, 1997. 69 с.
6. 鲁迅, 鲁迅全集 (第六卷) [M].北京: 人民文学出版社, 2005 (Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 6. Пекин: Изд-во Народной литературы, 2005. 637 с.).
7. Арбуду А. А. Думучёр: Повести лян шёфэ. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. 247 с. (Арбуду А. А. Мостик из одного шеста: Повести и рассказы. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. 247 с.).
8. Мансурова А. А. Ни бусы етому. Бишкек: Бишкек, 2006. 277 с. (Мансурова А. А. Ты не сирота. Бишкек: Бишкек, 2006. 277 с.).
9. 黄燕尤, 论依玛佐夫诗歌、小说中的民族文化精神[J].西北第二民族学院学报, 2006, (1): 110–114页 (Хуан Янью. О национальном культурном духе в стихах и рассказах Имазова // Вестник Северо-Западного Второго университета национальностей. 2006. № 1. С. 110–114).
10. Макеева Ф. Х. Становление и развитие дунганской советской литературы. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. 107 с.
11. 苏三洛, 中亚东干人的历史与文化[M].郝苏民、高永久, 译.银川: 宁夏人民出版社, 1996 (Сушанло М. Я. История и культура народа дунган в Центральной Азии / пер. Хао Суминь, Гао Юнцзю. Иньчуань: Народное изд-во Нинся, 1996. 307 с.).
12. 王行之编, 老舍论剧[C].北京:中国戏剧出版社, 1981 (Ван Синчжи. Лао Ше о драме. Пекин: Изд-во Китайской драмы, 1981. 301 с.).

Поступила в редакцию 14.04.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024;
принята к публикации 14.11.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 14.04.2024; approved after reviewing 28.04.2024;
accepted for publication 14.11.2024; published 28.02.2025